

Пяст Вл. Встречи с Есениным // С. А. Есенин в воспоминаниях современников: В 2-х т. / Вступ. ст., сост. и коммент А. Козловского. -- М.: Худож. лит., 1986. -- Т. 2. -- С. 93--96. -- (Лит. мемуары).

<http://feb-web.ru/feb/esenin/critics/EV2/Ev2-093-.htm>

ВЛ. ПЯСТ

ВСТРЕЧИ С ЕСЕНИНЫМ

<...>

Осень 1923 года я провел в Москве и под Москвой и, когда прочел о выступлении в ЦЕКУБУ на Пречистенке группы крестьянских поэтов (Есенин, Клюев и Ганин), решил на этот вечер пойти¹. Всех троих исполнителями своих стихотворений слышал я тогда впервые, о Ганине же и вообще ничего не слышал. От этого вечера в памяти остались: колоритная фигура в длинном зипуне (Клюев) -- и еще ярче -- кудрявая есенинская голова, с выражением несколько сонным, и его правая рука, в двух пальцах которой была зажата папироска и которою он как бы дирижировал своему музыкально модулирующему инструменту (голосу).

В такой позе он читал с эстрады постоянно. В этот раз он, может быть, еще не читал тех своих (напечатанных гораздо позднее) стихов, которые производили сильное впечатление на многих впоследствии (впоследствии слышал от него эти стихи и я), стихов о предчувствуемой поэтом близкой своей смерти:

Положите в русской рубашке
Под иконы меня умирать².

Не стихи Есенина, вообще, запечатлелись в моей памяти ярче всего из того вечера, нет, -- а его импровизованная речь, с которой он неожиданно обратился к "ученой" (в большинстве) публике. Речь вот такая, настолько же неожиданная, насколько приятно прозвучавшая моему слуху. Речь -- о Блоке.

-- Блок, -- говорил молодой поэт, предводитель послефутуристических бунтарей, -- к которому приходил я в Петербурге, когда начинал свои выступления со стихами (в печати), для меня, для Есенина, был -- и остался, покойный, -- главным и старшим, наиболее дорогим и высоким, что только есть на свете.

(Я стараюсь передать смысл и стиль речи Есенина *точно*; эти слова врезались в память, хотя вся речь была бессвязна, как принято выражаться, гениально-косноязычна.)

-- Разве можно относиться к памяти Блока без благоговения? Я, Есенин, так отношусь к ней, с благоговением.

-- Мне мои товарищи были раньше дороги. Но тогда, когда они осмелились после смерти Блока объявить скандальный вечер его памяти, я с ними разошелся.

-- Да, я не участвовал в этом вечере и сказал им, моим бывшим друзьям: "Стыдно!" Имажинизм ими был опозорен, мне стыдно было носить одинаковую с ними кличку, я отошел от имажинизма.

-- Как можно осмелиться поднять руку на Блока, на лучшего русского поэта за последние сто лет!

Вот смысл и стиль застенчивой, обрывистой, неожиданной (не связанной ничем с программой вечера) речи Сережи Есенина. Чувствуя всю ее искренность, я полюбил молодого поэта с тех пор. Она прозвучала в унисон с опубликованною мною весной 1922 года в журнале "Жизнь искусства" статьей "Кунсткамера"³, где я *отплевывался*, так сказать, от московских поэтов гуртом за тот исключительно гнусный вечер "Чистосердечно о Блоке!", -- афиши о котором висели тогда на улицах Москвы. Имена участников этого паскудства я не предаю печати на сей раз; достаточно знаменит за всех них Герострат, в психологии коего дал себе сладострастный труд копать один, крепко теперь, по счастью, забытый, русский стихотворец.

А вот что Есенин пылал таким негодованием по поводу этого вечера -- это значительно, важно; это очень характерно для quasi* хулигана. Кстати, неужели непонятно, что не может быть "шарлатаном" (есенинское слово!) тот, который себя таким объявляет!

Один мой приятель, бывший со мною на том же "крестьянском" вечере в ЦЕКУБУ, так описывает свои впечатления (в письме ко мне после смерти поэта):

"У Есенина был франтоватый вид. Костюм и шляпа с заграничным шиком -- и под шляпой слегка помятое, точно невыспавшееся слегка, простецкое русское лицо с милой добродушно-рассеянной